

Музейон

Ксения Петрова

Музей-усадьба Льва Толстого в Хамовниках

*Я понял, что для того, чтобы понять смысл жизни,
надо прежде всего, чтобы жизнь была не бессмысленна
и зла, а потом уже – разум для того, чтобы понять ее.
Лев Толстой. Исповедь*

Прошло ровно сто лет со дня ухода и смерти Льва Николаевича Толстого, а споры о его жизни и творческом наследии не утихают. Мир знает двух Толстых – до его «Исповеди» и после.

«Жил я до пятидесяти лет – думая, что та жизнь человека, которая проходит от рождения и до смерти, и есть вся жизнь, и что поэтому цель человека есть счастье в этой смертной жизни; но чем дольше я жил, тем очевиднее становилось, что счастья этого нет и быть не может. <...> Несчастий же становилось все больше и больше, и неизбежность смерти становилась все очевиднее, и я понял, что после этой бессмысленной и несчастной жизни меня ничего

не ожидает, кроме страдания, болезни, старости и уничтожения; я спросил себя: зачем это? И не получил ответа. И я пришел в отчаяние»¹. «Я понял, что я заблудился и как я заблудился. Я заблудился не столько оттого, что неправильно мыслил, сколько оттого, что я жил дурно. <...> Я понял, что мой вопрос о том, что есть моя жизнь, и ответ: зло, – был совершенно правилен. Неправильно было только то, что ответ, относящийся только ко мне, я отнес к жизни вообще... Я понял ту истину, впоследствии найденную мною в Евангелии, что люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы. Ибо всякий, делающий худые дела, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его»².

Толстой переживает тяжелый кризис с мыслями о самоубийстве, после преодоления которого меняется его мировоззрение и меняются акценты в его творчестве. Появляется множество публицистических произведений, произведений философского характера – «В чем моя вера», «Царство Божие внутри вас», перевод всех четырех Евангелий, – они вызывают в обществе широкую дискуссию, от полного отрицания и протестов до горячей поддержки. Он пишет роман «Воскресение», повести «Смерть Ивана Ильича», «Крейцера соната» – по его собственному признанию, самые главные художественные произведения его жизни. Льва Николаевича теперь занимают ответы на вопросы о смысле бытия, о бессмертии, и он не хочет иметь ничего общего с тем Толстым, который написал «Войну и мир» и «Анну Каренину». «Как я счастлив <...> что писать дребедени многословной вроде «Войны...» я больше никогда не стану»³, – признается он в письме к Фету.

«Мне в руки дан рупор, и я обязан владеть им, пользоваться им. Что-то напрашивается, не знаю, удастся ли. Напрашивается то, чтобы писать вне всякой формы: не как статьи, рассуждения и не как художественное, а высказывать, выливать, как можешь, то, что сильно чувствуешь. А я мучительно сильно чувствую ужас, развращаемость нашего положения. Хочу написать то, что я хотел бы сделать, и как я представляю себе,

что я бы сделал... Помогите Бог. Не могу не молиться. Жалею, что слишком мало молюсь...»⁴

«Толстому стало понятно ощущение бессмертия человеческой души, – говорит директор Государственного музея Л.Н. Толстого Виталий Борисович Ремизов. – Уже в «Казаках» он пишет о чувстве сопричастности с Вселенной, о том, что есть в человеке что-то такое, что делает его бессмертным. Позже, в сорок девять лет он пишет «Исповедь» и там ставит эту проблему: как он страдал, когда был атеистом, – жил и понимал, что он «жалкий червяк», что жизнь его бессмысленна; и о том, что, когда он поверил в божественность мироздания, когда почувствовал, что нет ничего преходящего, его жизнь наполнилась смыслом и истинностью происходящего. Так вот – до этого момента это было только ощущение, а после – уже позиция. Поиску ответа на вопрос, что есть разумное, доброе, вечное, посвящен последний период его жизни». И в новых произведениях он поднимает вопросы божественного присутствия, христианской этики и проповедует отказ от насилия в любой его форме.

Начало этого позднего, непростого периода в жизни Толстого частично проходит в доме, где сегодня находится мемориальный музей-усадьба «Хамовники». Толстые живут здесь с 1882 по 1901 год. Дом «живой, теплый», ощущение такое, что хозяева только что вышли куда-то по делам и вот-вот вернуться.

«В городе человек может прожить сто лет и не хватиться того, что он давно умер и сгнил. Разбираться с самим собой некогда, все

Усадьба ранней весной

¹ Толстой Л.Н. Я верю. М.: СП «Вся Москва», 1990. С. 5–6.

² Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. в 24 т. Т. 15. М., 1913. С. 23.

³ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. в 90 т. Т. 61. М., 1953. С. 247.

⁴ Толстой Л.Н. Там же. Т. 49. С. 48.

Столовая

занято. Дела, общественные отношения, искусство... То надо принимать тех и этих, ехать к тем и этим; то надо посмотреть эту, послушать этого или эту <...> а жизнь пустым-пустешенька»⁵. Лев Николаевич не любил города. Но по настоянию Софьи Андреевны семья переезжает в Москву – подросли дети, по правилам того времени нужно было выводить дочерей в свет. Следующие двад-

цать зим Толстые живут в городе, на лето уезжая в Ясную Поляну.

Лев Николаевич не может жить вдали от природы и ищет дом на окраине Москвы, который напоминал бы ему о родном тульском поместье. Весной 1882 года он покупает у коллежского секретаря И.А. Арнаутова усадьбу в Долго-Хамовническом переулке (сейчас переименован в улицу

Льва Толстого) с надворными постройками и садом. Сад сыграл решающую роль – Толстого не остановило ни соседство с тремя фабриками, ни то, что дом необходимо было перестраивать под большую семью. В год покупки дома в Хамовниках Льву Николаевичу пятьде-

Прихожая и лестница на второй этаж

сят четыре. Он энергичен и полон сил – купив особняк, с энтузиазмом начинает перестройку: поднимается потолок анфилады первого этажа, к дому пристраиваются парадная лестница и второй этаж – три просторные комнаты с высокими потолками и большими окнами; покупается мебель, перестилаются паркетные полы, заказываются обои – об этом обустройстве дома он потом напишет в повести «Смерть Ивана Ильича».

Все экспонаты музея – а их около пяти тысяч – подлинные вещи семьи Толстых. Многие могут рассказать о бывших владельцах эти шестнадцать комнат – по тому, как был устроен быт, можно живо себе представить и жизнь писателя: столовая, где семья собирается три раза в день под бой немецких часов с кукушкой; на столе – обеденный сервиз и две супницы, одна из них для вегетарианского супа Льва Николаевича, который в пятьдесят семь лет отказался от употребления животной пищи; зал с роялем на втором этаже, где по вечерам музицируют и читают вслух члены семьи и многочисленные именитые гости; «скучная гостиная» – богато обставленная комната с турецким диваном, где графиня ведет светские, «пустые», по мнению Толстого, разговоры со своими приятелями и друзьями.

Сам он занимает две комнаты в нижнем этаже – «мастерскую» и кабинет с низкими потолками и небольшими окнами. Эти ком-

Зал ▶

⁵ Толстой Л.Н. Собр. соч. в 22 т. Т. 12. М.: Худож. лит., 1982. С. 284.

Фотопортрет Софьи Андреевны и Льва Николаевича Толстого незадолго до его ухода

Рабочий стол писателя в его кабинете

наты резко контрастируют с новой, перестроенной частью дома, они суровы и аскетичны. В мастерской – спортивные гантели, каждое утро Толстой занимался зарядкой; велосипед, подаренный ему английской фирмой Rover, на котором он учится ездить в шестьдесят семь лет; инструменты для изготовления сапог и сами сапоги, которые он собственноручно сделал для своего друга Фета.

Толстой провозглашает четыре обязательные составляющие новой жизни: физический труд, ремесленный труд, умственный труд и общение с людьми. В кабинете стоит стол с бордюром, по моде того времени, и стул с подпиленными ножками – Лев Николаевич был близорук, но не носил очков. За этим знаменитым столом он написал свой «Ответ Синоду» на отлучение его от церкви. Здесь же кресла для посетителей и диван, обитый темно-зеленой клеенкой, на котором иногда отдыхал Лев Николаевич. Рядом комнаты прислуги и дочери Марии, во всем поддерживавшей отца, принявшей и понимающей идеи его новой жизни.

Эта жизнь «на два этажа» тяготила Толстого, он оказывается на распутье: жить дальше по-старому он не может, ибо видит в такой жизни про-

творение своим взглядам, а по-новому... жить по-новому «мешает» семья. Оттого он часто бывает раздражен, но не на домашних, а на самого себя – за то, что не может оставить всего этого.

Сонечка... Соня... Софья Андреевна... Как был с ней счастлив Толстой первые годы. Он писал в дневнике: «Неимоверное счастье... Не мо-

Ботинки, собственноручно сделанные графом Толстым

Софья Андреевна Толстая

жет быть, чтобы это все кончилось только жизнью»⁶. Молодая восемнадцатилетняя жена принесла заботу и уют, которых так недоставало в доме ее мужа. К моменту женитьбы Толстому исполнилось тридцать четыре года, и он уже составил для себя определенные представления о том, каким должен быть этот брак, — он хочет «воспитать» супругу непременно из незнатного рода и берет в жены «дочь врача, дворянина по выслуге». Он покупает ей платья у лучших портных, настаивает, чтобы она ездила

⁶ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 19. М., 1953. С. 154.

по железной дороге только первым классом, а через несколько лет недоуменно спрашивает ее: зачем она тратит на жизнь столько денег?

Софья Андреевна вышла замуж за графа, блестящего литератора и не была готова к таким кардинальным изменениям его взглядов. Всю свою жизнь она была предана мужу, но теперь она не понимает и не принимает его новые идеи, не понимает всей глубинной философии его поздних работ, ей даже кажется, что в них он выставляет напоказ их личную жизнь; в конце концов доходит до того, что свой рассказ «Дьявол» Толстой пишет тайне, перепрятывая рукопись. В последние годы жизни Толстой хочет жить со всеми в мире, он и рукопись эту прячет не из-за того, что стыдится чего-то, а чтобы не ранить, не обидеть Софью Андреевну. «Очень буду сожалеть, если то, что я сказал, оскорбит, огорчит кого-либо и вызовет в нем недобрые чувства, — пишет он в записной книжке 4 августа 1909 года. — Но мне, 80-летнему старику, всякую минуту ожидающему смерти, стыдно и преступно было бы не сказать всю истину, как я понимаю ее...»

Гармония в супружестве часто зависит от того, движутся ли люди в одном направлении, но для этого необходимо смотреть не друг на друга, а в одну сторону. Лев Николаевич и Софья Андреевна смотрели в разные: он с молодости самосовершенствуется, переделывает себя, считает, что «человек, стоящий на низшей ступени, подвигаясь к совершенству, живет нравственнее, лучше, более исполняет учение, чем человек, стоящий на гораздо более высокой ступени нравственности, но не

Комната младшего сына Ванечки

«Скучная» гостиная

подвигающийся к совершенству»; ей же хочется простого семейного счастья. И он не упрекает ее за это: «...за то же, что ты не пошла за мной в моем исключительном духовном движении, я не могу упрекать тебя и не упрекаю, потому что духовная жизнь каждого человека есть тайна этого человека с Богом, и требовать от него другим людям ничего нельзя. И если я требовал от тебя, то я ошибался и виноват в этом»⁷.

Да, она «приземленная» женщина, но она же его правая рука и опора в быту. На ней одной весь дом, она всегда чем-то занята — рукоделием, обучением детей, переписыванием его рукописей: «этот хаос бесчисленных забот, перебивающих одна другую, меня часто приводит в ошалелое состояние, и я теряю равновесие. Ведь легко сказать, но во всякую данную минуту меня озабочивают: учащиеся и болящие дети, гигиеническое и, главное, духовное состояние мужа, большие дети с их делами, долгами,

детьми и службой, продажа и планы Самарского имения <...> издание новое и тринадцатая часть с запрещенной «Крейцеровой сонатой», прошение о разделе с овсянниковским попом, корректуры тринадцатого тома, ночные рубашки Мише, простыни и сапоги Андриюше; не просрочить платежи по дому, страхование, повинности по имению, паспорта людей, вести счета, переписывать и проч. и проч. — и все это непременно непосредственно должно коснуться меня», — пишет она в дневнике. В 1888 году в этом доме она рождает тринадцатого ребенка, сына Ванечку, на время примирившего супругов. Лев Николаевич счастлив — наконец-то он сможет передать кому-то дело своей жизни. Ребенок растет необыкновенным, талантливым, но умирает от скарлатины на руках родителей в шестилетнем возрасте. Это был удар для них обоих, после которого Софья Андреевна так и не оправилась, в ее психике что-то окончательно надломилось...

⁷ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 19. С. 789.

Липовая аллея

Чайный домик

Не меньше, чем дом, может рассказать о владельце и сад. Здесь всегда было много деревьев – на территории почти в гектар разместились и ландшафтный английский парк с кленами, вязами и липовой аллеей, и яблоневый сад, и площадка под каток, которую иногда заливает сам Лев Николаевич. Он любит этот сад, здесь он правит гранки своих трудов, сидя на скамейке на вершине насыпной горки. В дальней стороне сада – колодец, воду из которого в большой бочке часто возит сам граф Толстой. Он стремится жить просто, отказавшись от привычного для своего круга образа жизни, и... не находит понимания не только в своей семье. Критика обрушивается на голову Толстого и на его новые произведения: он и женоненавистник, и еретик, и социалист. Почему-то самое главное – духовное прозрение героев его поздних художественных произведений – высмеивается, часто не воспринимается всерьез, сознательно или бессознательно обходится стороной. Оценки и интерпретации творчества Толстого этого периода можно охарактеризовать его же словами из «Царства Божия внутри вас»: «Происходит то, что в большей части случаев служит источником самых грубых заблуждений людских: люди, стоящие на низшей степени понимания, встречаясь с явлениями высшего порядка <...> – обсуживают его с своей низшей точки зрения, и с тем

большей смелостью и решительностью, чем меньше они понимают то, о чем говорят»⁸.

Человек развращенный будет возмущен теми строгими нравственными ограничениями, который накладывает на жизнь Толстой в «Крейцеровой сонате» и особенно в послесловии к ней. «Да возможно ли так жить вообще?» – воскликнет он. Человек, желающий от жизни только удовлетворения своих материальных потребностей, не увидит в позднем Толстом бесконечной любви, которую тот испытывает ко всему человечеству, не увидит в нем желания донести до людей эту любовь. Люди эти похожи на слепцов, не видящих, да и не способных увидеть солнечный свет. Для того чтобы понимать позднего – настоящего – Толстого, проповедующего стремление к истине, то есть к Богу, нужно самому стремиться к этой истине. И тогда вместо женоненавистничества увидишь в нем сострадание к женщине, вместо богохульства – глубокое переживание Бога.

«Очень трудно жить по-толстовски – для этого должна быть внутренняя сила, ведь подпорка только в тебе самом. В трудную минуту отчаяние будет только усиливаться, если вы будете

искать решение вне себя, – говорит Виталий Ремизов. – Лев Николаевич всегда повторял: я не властен изменить то, что вокруг меня, я не властен над обстоятельствами, но я властен над собой, я властен над своими поступками, и только от меня зависит – поступить ли мне плохо или хорошо». Толстой считал, что возродить общество можно только через себя: изменив, усовершенствовав себя духовно, можно изменить и окружающих через свое отношение к ним.

Церковь обвиняет Толстого в гордыне, но разве мог написать гордый человек: «Ко мне часто обращались и обращаются молодые люди и люди из народа, усомнившиеся в истине учения церкви, в которой они воспитаны, спрашивая меня, в чем состоит мое учение, как я понимаю христианское учение? Такие вопросы всегда огорчают и даже оскорбляют меня <...> я отвечаю: у меня нет никакого учения, а понимаю я христианское учение так, как оно изложено в евангелиях»⁹.

«Что здесь очень важно понять, это то, что по своей природе Лев Николаевич отличался чистой нравственных чувств, – подчеркивает Ремизов. – И когда современники говорили, что он

⁸ Толстой Л.Н. Царство Божие внутри вас. М.: Изд-во Саблина, 1912. С. 113.

⁹ Толстой Л.Н. Я верю. С. 173–174.

Насыпная горка в осеннем саду

«в старости был как ребенок», – это не значит, что это был старик, впадающий в маразм, – нет. Это было его умение видеть мир глазами ребенка – незамутненными, чистыми, и поэтому какие бы преступления он ни описывал в своих поздних произведениях, прикасался ли он к «власти тьмы» в человеке – все это было с позиции понимания и сострадания к такому ведомому, заплутавшему в жизни человеку».

Последний раз писатель побывал в Хамовниках в 1909 году проездом, по дороге к своему близкому другу и помощнику Черткову, которому не было позволено жить в Тульской губернии за распространение запрещенных произведений Толстого. Лев Николаевич едет не просто навестить друга, – он едет, чтобы подписать свое новое завещание, по которому он предоставит обществу, всем желающим право свободной публикации его произведений. Это расколет се-

мью на два лагеря: Льва Николаевича с дочерьми и Софью Андреевну с сыновьями, которую он через год тайно ночью покинет. Для того чтобы почувствовать границу непонимания между мужем и женой, достаточно отрывков из их последних писем друг к другу: «Отъезд мой огорчит тебя. Сожалею об этом, но пойми и поверь, что я не мог поступить иначе. Положение мое в доме стало невыносимым. Кроме всего дурного, я не могу более жить в тех условиях роскоши, в которых я жил, и делаю то, что обыкновенно делают старики: уходят из мирской жизни, чтобы жить в уединении и тиши последние дни своей жизни»¹⁰, – пишет Толстой Софье Андреевне перед тем, как уехать из Ясной Поляны. Она ему отвечает: «Ты пишешь, что старики уходят из мира. Да где ты это видал? Старики крестьяне доживают на печке, в кругу семьи и внуков свои последние дни; то же и в барском и всяком быту. Разве естественно слабому старику уходить от ухода, забот и любви окружающих его детей и внуков?»¹¹

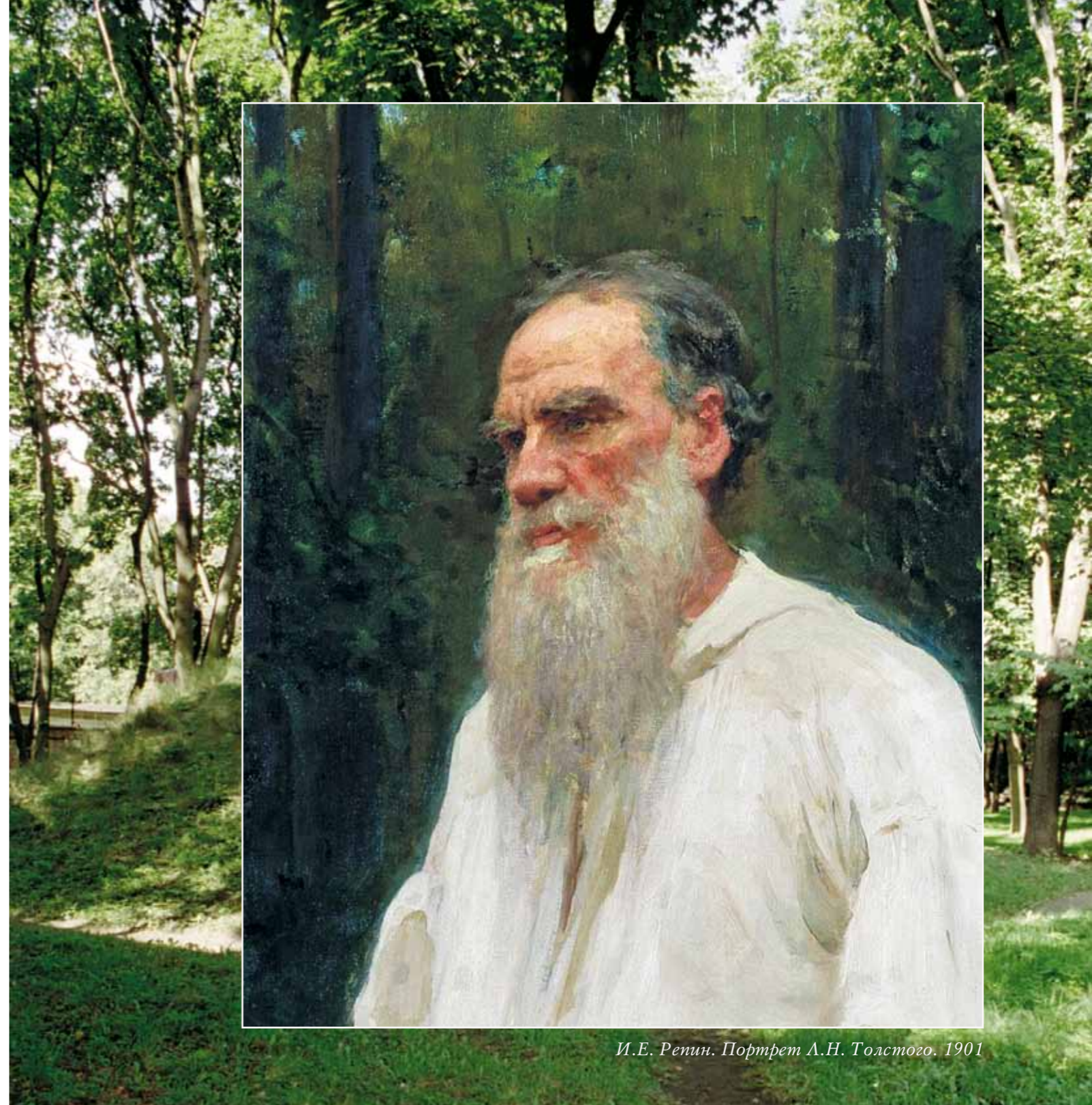
В конце своей жизни Толстой остается в одиночестве. В зените своей славы, обожаемый миллионами, он пишет: «Странно, что мне приходится молчать с живущими вокруг меня людьми и говорить только с теми далекими по времени и месту...» Несмотря на огромный поток людей, постоянно проходящий через дом Толстых, среди близких людей он находит поддержку и сочувствие своим взглядам лишь в дочери Саше и друге Черткове. Личная трагедия Толстого в том, что, связав себя узами брака, он пришел в конце жизни к пути старца, святого человека, которому и завести-то семью нельзя было, ибо это требует от тебя дел мирских, суетливых дел, в которых ты уже не видишь смысла, а лишь только отвлечение от истинного пути. Для восьмидесятидвухлетнего Толстого эта огромная семья в тридцать восемь человек, с детьми, жаждущими наследства, их женами, и бывшими женами, и их детьми, – обуза, хотя разорвать эти отношения для него тяжело, практически невозможно, ибо в первую

¹⁰ Толстая С.А. Письма к Л.Н. Толстому. Л.: Academia, 1936. С. 799.

¹¹ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 84. М., 1953. С. 404.

Прижизненные издания поздних произведений писателя

И.Е. Репин. Портрет Л.Н. Толстого. 1901

очередь это означает глубоко ранить многих близких. Патологическая, беспочвенная ревность жены ко всей его деятельности на новом пути, ко всем и ко всему, что ей представлялось вредным и опасным для самого Льва Николаевича, для семьи и детей, и ее угрозы покончить жизнь самоубийством мучают его. Как человек колоссальной сдержанности, терпения, духовности, на все нападки он лишь говорит: «Соня, ты больна, тебе нужно лечиться!» Несколько раз порывается он разрубить этот гордиев узел и нако-

нец принимает решение. Принимает, потому что чувствует приближение того часа, который люди обыкновенно хотят отдалить и к которому он так радостно идет. Принимает, потому что следует за три месяца до этого записанной в своем дневнике мысли: «Слова умирающего особенно значительны». Уход Льва Николаевича Толстого фактически становится обретением самого себя – ведь он отошел в мир иной, как и положено святому человеку – без агонии, со словами о Боге: «Истина... Люблю много...»

Д.С. Лихачев о Л.Н. Толстом*

Имя Льва Толстого обычно сопровождается в нашем сознании своего рода постоянными эпитетами, устойчивыми о нем представлениями: он гигант, великан, титан. Он для нас прежде всего большой, огромный. Ему тесно в узких пределах того или иного периода русской литературы нового времени, и поэтом при написании любой истории русской литературы нового времени неизбежно возникает вопрос: в пределах каких глав его уместить, к какому десятилетию или даже двадцатилетию его отнести?

И этот вопрос встает не только потому, что Толстой жил долго и писал много: Толстой – гигант русской литературы по своему монументальному стилю, по широкому охвату этического мировоззрения, своего нравственного дела. Он как бы возвышается над своей эпохой. Он воплощал в себе не только начала культуры своего времени, но и всей русской, включая и древнерусскую. Эти древнерусские начала сказывались даже в его внешности, в манере одеваться (особенно в старости), в манере себя держать, в его любви к верховой езде и к физическому труду, в его близости тому слою населения современной ему России, который был самым стойким носителем тысячелетних русских культурных традиций, – крестьянству. <...>

В своей замечательной книге «Еж и лисица», посвященной историческим воззрениям Л. Толстого, И. Берлин¹, анализируя исторические воззрения Толстого в «Войне и мире», с полной убедительностью показал своеобразную непоследовательность Толстого. Следуя замечанию древнегреческого поэта Архилоха, делившего людей на лисиц, преследующих разные цели в зависимости от обстоятельств, и ежей, которые стремятся только к одной большой задаче, И. Берлин определил Толстого как лисицу, которая думает, что она еж. И. Берлин показал это, анализируя «Войну и мир». Десятки мелких и крупных противоречий возникают у Толстого в воззрениях на исторические события и в его художествен-

ной практике. И. Берлин очень метко определил источники многих мнений Толстого, но не определил только самого главного – древнерусского субстрата художественной практики и идей Толстого. Такими же лисицами, полагающими, что они ежи, были все летописцы Древней Руси: они следовали строго церковной идеологии, но были прагматиками в конкретном истолковании конкретных же событий.

Толстой видел исторические события во всей их многоплановости, но объяснять их стремился однопланово, вступая на каждом шагу в противоречие с самим собой. <...>

Ответ на вопрос – как видел Толстой исторические события, значительно сложнее, чем ответ на вопрос – как он их интерпретировал в своих отступлениях. В своем видении истории Толстой в значительной мере зависел от многовековых традиций русской литературы в изображении нашествия врагов, войн, подвигов полководцев и простых ратников. Именно в этом он не был простым последователем Гердера или Бокля, но был национальным художником, гигантом, выражающим этические взгляды народа, сложившиеся за многие столетия. <...>

В воле одного нет исторической необходимости. Когда действия русских определены эгоистическими, служебно-карьерными побуждениями отдельных лиц, то эти побуждения, хотя бы они и были одинаковы, не могут сложиться в одну общую историческую силу. Напротив, когда люди думают об интересах Родины, они не только в сумме своих устремлений становятся решающей исторической силой, но даже тогда, когда одиноки, как Кутузов. В основе этой мысли Толстого лежит этический взгляд на историю, и этот взгляд вполне «древнерусский». Это видение истории в аспекте той высшей правды, которая в ней заключена, – своеобразный средневековый «этический оптимизм». Поэтому и для Толстого бессознательно, невольно остается в сердце закон летописи и исторических произведений Древней Руси: «Не в силе бог,

но в правде». На современном языке это означает: побеждает правый. И победа правого не всегда внешняя, но всегда моральная. Именно эта мысль лежит в основе рассуждений Толстого о том, кто победил в Бородинском сражении.

Все отрицательные персонажи Толстого следуют этикету, все положительные его нарушают. <...> Толстой и не хочет, чтобы его герои следовали светскому этикету. И это главный конфликт в психологии его действующих лиц. Этой борьбе и в мелочах, и в главном посвящены все основные романы Толстого последних лет: и «Анна Каренина», и «Воскресение».

Бунт против литературного этикета охватывает все творчество Льва Толстого, не только тогда, когда он задает феноменальный по своей смелости вопрос: кому у кого учиться – ему, писателю, у деревенских ребят или ребятам у него, но и тогда, когда он выступает против всей литературной традиции, в которой высшим и равным себе он ощущал Шекспира. Он выступает против этикета и красотостей этикета во всем – не только в стиле своих произведений, который он делает нарочито корявым, как бы обнажая фактуру языка, но и в поведении своих действующих лиц. <...>

Смерть – это осознание суетности всего внешнего, всего того, что составляет плоть жизни, это прощание и расставание с жизненным обиходом, недовольство собой внешним во имя себя – внутреннего. Русская литература XIX века как бы подхватывает эту далеко не традиционную (даже антитрадиционную) традицию. И очень часто не только в литературе, но и в быту русские люди умирали, уйдя из семьи, в дороге, отказываясь от семьи и прежде всего от жены как от некоего символа устоявшегося семейного обихода.

Тему смерти во всем ее русском величии Толстой поднял в своей замечательной повести «Смерть Ивана Ильича». Умирая, Иван Ильич чувствует свою отчужденность от жены и дочери...

В свете всего этого смерть самого Толстого – это грандиозная, глубоко национальная эпопея. Толстой уходит из быта, из всего того внешнего, чем его окружила жизнь в Ясной Поляне. Он умирает в пути буквально – на железнодорожной станции. Он не допускает к себе жену – символ этого устоявшегося не только яснополянского, но и в целом русского быта. Это смерть льва, покидающего перед смертью свое логово, уходящего из жизни буквально.

Так ушел из своего страшного этикетного быта Пушкин, ушел на Черную Речку, под дуло светского хлыща Дантеса – человека с хорошими манерами, пытавшегося завязать «хорошие свя-

зи с дамой из общества» – те самые связи, о которых мечтала для своего сына суетная светская мать Вронского.

В судьбе Пушкина и судьбе Толстого есть много общего, что еще предстоит раскрыть исследователям литературы и исследователям культуры. Пушкин ушел из дома на Мойке относительно молодым, но, может быть, потому, что конфликт его был глубже запятан в его душе, и потому был более самоубийствен. Толстой ушел стариком, он всю жизнь уходил от самого себя и от окружавшего его окостеневшего этикетного быта – в морали общества и в литературе. Но и уйдя от всего этого, в своей титанической борьбе со всякою косностью, он ушел и от самого себя, от толстовства, которое засело в нем, и от окружавшей его семьи. Уйдя, он пришел к себе. Он выразил самого себя всего. Отъезд Пушкина на Черную Речку был отъездом, в котором он все же не совладал с собой, со своим светским воспитанием. И мы не можем его за это винить, ибо и Толстой в возрасте Пушкина не мог еще уйти из своего дома. Для этого надо было прожить долгую жизнь борьбы.

Я начал свое слово о Толстом с того, что Толстой представляется нам прежде всего в образе великана, великана-богатыря. В конце своей жизни он напоминает старого казака Илью Муромца. Старого, но никогда не утрачивавшего своей богатырской силы и умершего, согласно былине «О гибели богатырей», в сражении с тем, что он сам отчасти создавал. Богатыри секли вражескую силу наполю, а она удваивалась от каждого удара. Толстой создал успешнее заостенеть толстовство, от которого и ушел.

Толстовство – это окостенение Толстого, оно вело к остановке, оно угнездило и в самом Толстом.

Вглядитесь в лицо Толстого Льва, Толстого Муромца. Это лицо очень русское. В самом его лице отразилось нечто, что делает его представителем тысячелетней русской культуры.

Скульптор Эрзя изобразил Толстого в вихре его закрутившейся бороды. Это символ движения, движения, как бы вырастающего из самого себя. Это символ движения его пламенной совести, его совести, которая не мирилась ни с какими остановками и окостенением. Если бы Толстой выздоровел, он бы не остался на «своей» станции Астапово. Он бы пошел дальше, ибо ему нужно было уйти от всего, что грозило его остановить. Для него не было в жизни станций и остановок, он был странником – типичным русским странником по натуре и по своим писательским и этическим исканиям.

* Лихачев Д.С. Из статьи «Лев Толстой и традиции древней русской литературы». Переработанный доклад, прочитанный на юбилейной научной конференции в Институте мировой литературы имени А.М. Горького АН СССР в сентябре 1978 г. / Лихачев Д.С. Избранные работы в 3 т. Т. 3. Л.: Худож. лит., 1987. С. 298–321.

¹ Berlin Isaiah. The Hedgehog and the Fox. An Essay on Tolstoy's View of History. New York, 1953.